

Габриэль
Гарсиа Маркес

Нобелевская
премия

Опасные приключения
Мигеля Литтина в Чили

[роман-репортаж]

Габриэль Гарсиа Маркес

**Опасные приключения
Мигеля Литтина в Чили**

«Издательство АСТ»

1986

Маркес Г.

Опасные приключения Мигеля Литтина в Чили / Г. Маркес —
«Издательство АСТ», 1986

ISBN 978-5-17-076069-5

В Европе и США эта книга произвела эффект разорвавшейся бомбы, – а в Чили ее первый тираж был уничтожен по личному приказу Аугусто Пиночета. ...В 1985 году высланный из Чили режиссер Мигель Литтин нелегально вернулся, чтобы снять фильм о том, во что превратили страну двенадцать лет военной диктатуры. Невзирая на смертельную опасность, пользуясь скрытой камерой, он создал уникальный фильм «Всеобщая декларация Чили», удостоенный приза на Венецианском кинофестивале. Документальный роман Маркеса – не просто захватывающая история приключений Литтина на многострадальной родине. Это великолепная стилизация в духе авантюрной испанской прозы XVI–XVII веков.

ISBN 978-5-17-076069-5

© Маркес Г., 1986
© Издательство АСТ, 1986

Содержание

От автора	5
1. Нелегал в Чили	6
Драма перевоплощения	8
Ослиный хвост для Пиночета	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Габриэль Гарсиа Маркес Опасные приключения Мигеля Литтина в Чили

От автора

В начале 1985 года чилийский режиссер Мигель Литтин – числившийся в списке пяти тысяч граждан, безвозвратно высланных из страны, – нелегально прилетел в Чили на полтора месяца и отснял более семи тысяч метров пленки, запечатлевая на ней, во что превратили его родину двенадцать лет диктатуры. Изменив внешность, манеру одежды и речи, запасшись фальшивыми документами, заручившись поддержкой подпольных борцов за демократию, Литтин с тремя европейскими съемочными группами и шестью командами молодых подпольщиков заглянул во все уголки страны, включая дворец Ла-Монеда¹. Снятые их усилиями четырехчасовой телефильм и двухчасовой кинофильм на днях начнут демонстрироваться по всему миру.

Полгода назад, когда Мигель Литтин рассказывал мне в Мадриде о работе над съемками, я понял, что за сюжетом его фильма скрывается другой, не менее увлекательный, рискующий, в отличие от первого, никогда не увидать свет. И Литтин, согласившись на долгое, изнурительное интервью длиной в неделю, наговорил восемнадцать часов магнитофонной записи. На этой ленте запечатлен профессиональный и гражданский подвиг, который я изложу в сжатом виде в последующих десяти главах.

Некоторые имена и данные в книге изменены ради безопасности героев, по-прежнему живущих в Чили. Однако я сохранил повествование от первого лица в том виде, в каком услышал его от Литтина, стремясь передать его собственные (местами доверительные) интонации, лишённые драматизма и исторических притязаний. Разумеется, общий стиль текста все равно мой, поскольку авторскую манеру тяжело изменить, особенно когда ужимаешь почти шестьсот страниц до ста пятидесяти. Однако исконные чилийские обороты и мнение рассказчика, не всегда совпадающее с моим, я постарался не исказить. По характеру подачи материала эта книга представляет собой репортаж. Однако на самом деле это нечто большее – реконструкция мыслей и чувств, позволивших, выйдя за рамки изначального замысла, создать гораздо более волнующий и берущий за душу фильм, высмеивающий пагубные проявления диктаторского режима. Как сказал сам Литтин: «Этот поступок я не назвал бы самым героическим в своей жизни, скорее самым достойным». Подтверждаю. И думаю, именно в этом его величие и состоит.

Габриэль Гарсиа Маркес

¹ Официальная резиденция президента Чили, расположенная в Сантьяго. В здании находятся также министерство внутренних дел и секретариаты президента и правительства. –Здесь и далее примеч. пер.

1. Нелегал в Чили

Самолет авиакомпании «Ладеко», следующий рейсом сто пятнадцать из парагвайского Асунсьона, готовился к посадке в аэропорту чилийской столицы Сантьяго с более чем часовым опозданием. Слева поблескивал семитысячник вулкана Аконкагуа, отливающий сталью в лунном свете. Зловеще накренившись на левое крыло, затем с мрачным скрежетом выправившись, самолет слишком рано коснулся колесами полосы и выдал три кенгуриных прыжка. Я, Мигель Литтин, сын Эрнана и Кристины, кинорежиссер и один из пяти тысяч чилийцев, навсегда высланных из страны, снова оказался на родине после двенадцатилетней ссылки. Однако я по-прежнему ощущал себя изгнанником, поскольку вернулся под фальшивой личиной, с фальшивым паспортом и даже с фальшивой супругой. Измененная внешность и манера одеваться сделали меня неузнаваемым (в том числе, как показало время, для родной матери).

Мало кто в целом мире подозревал о нашей задумке, однако одна из посвященных летела со мной в одном самолете – Елена, молодая и симпатичная активистка чилийского сопротивления, которую организация делегировала мне в качестве связной. Ей предстояло договариваться с подпольщиками, передавать явки и пароли, подыскивать места для интервью, оценивать оперативную обстановку, утрясать встречи и заботиться о нашей безопасности. В случае моего ареста, исчезновения или неявки на связь более суток она должна была публично заявить о моем пребывании в Чили и поднять международную тревогу. Не состоя в браке по документам, весь путь от Мадрида до Сантьяго через полмира и семь аэропортов мы тем не менее проделали будто законные супруги, однако на этом последнем полтора часовом перелете решили сесть порознь и сойти на землю как незнакомцы. Паспортный контроль Елена проходила после меня, чтобы в случае опасности подать сигнал своим. Если же накладок не возникнет, мы восоединимся и выйдем из аэропорта как чинная супружеская пара.

На словах наша задача выглядит простой, однако на самом деле предприятие предстояло весьма рискованное – тайно отснять документальный фильм о жизни страны, двенадцать лет томившейся под гнетом диктатуры. Идею навевала давняя мечта, зревшая не один год: для кинематографиста, у которого образ далекой родины уже успел раствориться в тумане ностальгии, нет лучшего способа возродить его в памяти, чем снять изнутри. Мечта стала еще более навязчивой, когда чилийское правительство начало публиковать списки получивших разрешение вернуться. Своего имени я там по-прежнему не обнаруживал. Предел отчаяния наступил, когда моя фамилия появилась в перечне пяти тысяч лиц, которым было навсегда отказано в возвращении. Поэтому когда в конце концов мне выпала возможность осуществить мечту, – почти случайно и совершенно неожиданно, – я уже больше двух лет как оставил всякую надежду воплотить ее в жизнь.

Случилось это осенью 1984 года в баскском городе Сан-Себастьяне. Я перебрался туда полгода назад, вместе с Эли и нашими тремя детьми, снимать художественный фильм, который, подобно другим своим товарищам по несчастью, лег на полку по велению продюсеров за неделю до предполагаемого начала съемок. Я оказался не у дел. Но как-то раз, ужиная во время кинофестиваля с приятелями в популярном ресторане, я снова обмолвился о своей давней мечте. Идея вызвала живой интерес не только в силу своей очевидной политической злободневности, но и как повод утереть нос «всемогущему» Пиночету. Никому тогда и в голову не пришло искать в этих фантазиях что-то большее, чем тоску изгнанника по родине. Однако уже утром, когда мы возвращались домой по сонным улицам старого города, итальянский продюсер Лучано Бальдуччи, за столом большей частью молчавший, ухватил меня за локоть и как бы невзначай отвел в сторону. «Нужный тебе человек, – сказал он, – ждет в Париже».

Он не ошибся. Нужный мне человек занимал ответственный пост в чилийском сопротивлении и вынашивал проект, лишь немногим отличавшийся от моего. Единственной четы-

рехчасовой беседы в укромном уголке «Куполя» при активном участии Бальдуччи нам обоим хватило, чтобы воплотить в жизнь выстраданный мной замысел, проработанный бессонными ночами в мельчайших подробностях.

Первым делом предстояло переправить в Чили три съемочные группы – итальянскую, французскую и еще одну, по документам голландскую, но обитавшую на самом деле где-то в других странах Европы. Все абсолютно легальные, с официальными разрешениями, под защитой своих посольств. Итальянская группа под руководством одной журналистки будет делать вид, что снимает документальный фильм об итальянской эмиграции в Чили, делая особый упор на творчество Хоакина Тоески – архитектора, проектировавшего дворец Ла-Монеда. Французскую группу аккредитуют на съемку документальной ленты в естественно-научном жанре – о географии Чили. Третья будет рассказывать о недавних землетрясениях. Ни одна из групп не узнает о существовании двух остальных. Истинная цель съемок, равно как и фигура настоящего режиссера, останется тайной для всех участников, кроме непосредственных руководителей – профессионалов своего дела, политически подкованных и полностью сознающих, на какой риск идут. Этот этап подготовки оказался самым легким, достаточно было короткой встречи с каждой из групп. Все три, аккредитованные, с оформленными по всем правилам контрактами, к моему прибытию в Чили уже обосновались и ждали распоряжений.

Драма перевоплощения

Гораздо тяжелее мне далось превращение в другого человека. Внутренние перемены – это результат постоянной борьбы, в которой мы, не желая терять себя, сопротивляемся своей же тяге к новизне. Поэтому сложнее всего, как ни странно, оказалось не освоить новое, а преодолеть мое подсознательное нежелание перемен, как внешних, так и внутренних. Мне пришлось отказаться от собственного «я» и перевоплотиться в кого-то совсем другого, не вызывающего подозрений у полиции, выдворившей меня из страны, и неузнаваемого для моих собственных друзей. Около трех недель со мной возились под руководством специалиста по особо секретным операциям, приехавшего непосредственно из Чили, двое психологов и гример. Без устали сражаясь с моим инстинктивным стремлением цепляться за прежний облик и привычки, они совершили настоящее чудо.

Прежде всего борода. Недостаточно было просто сбрить ее, требовалось избавиться от всех своих с ней ассоциаций. Я начал отпускать ее еще в молодости, когда собирался снимать свой первый фильм, потом несколько раз сбрасывал, но ни разу не начинал съемок без нее. В ней словно воплотилась моя режиссерская ипостась. Мои дяди тоже носили бороду, это был еще один повод ею дорожить. Когда несколько лет назад в Мексике я ее все-таки сбрил, ни мои друзья, ни родные, ни я сам никак не могли привыкнуть к новому облику. Все шарахались от меня как от незнакомца, однако я упорно отказывался отпускать бороду снова, считая, что она меня старит. Сомнения разрешила Каталина, моя младшая дочь:

– Да, без бороды ты как будто помолодел. Зато с ней красивее.

Вот почему расстаться с бородой перед отправлением в Чили значило не просто поработать помазком и бритвой. Предстоял более глубинный процесс прощания с частью себя. Бороду постепенно подстригали, наблюдая за происходящими переменами, оценивая, как разная длина отражается на моей внешности и характере, пока наконец не сбрили под ноль. Лишь несколько дней спустя я отважился посмотреть в зеркало.

Затем прическа. Волосы у меня черные: сказываются гены матери-гречанки и отца-палестинца, наградившего меня заодно склонностью к раннему облысению. Первым делом мою шевелюру перекрасили в светло-каштановый. Потом, поэкспериментировав с прическами, решили не идти против природы. Вместо того чтобы, согласно первоначальному замыслу, скрывать зальсины, их, наоборот, подчеркнули, не только зализав волосы назад, но и довершив с помощью машинки для стрижки начатое безжалостным возрастом.

Как ни парадоксально, почти неуловимыми штрихами можно, оказывается, преобразить форму лица до неузнаваемости. После того как мне депилировали кончики бровей, моя круглая, как полная луна, физиономия (тогда я и сам был поплотнее) будто вытянулась. Этот легкий восточный налет куда больше вязался, как ни странно, с моими корнями. Последним шагом стали очки с градуированными стеклами, из-за которых пришлось несколько дней помучиться сильной головной болью. Однако благодаря им поменялись визуально не только сами глаза, но и взгляд.

Дальше дело пошло проще, хотя здесь от меня потребовались внушительные психологические усилия. Чтобы изменить лицо и прическу, достаточно довериться гримеру, тогда как общий облик предполагает особую работу над собой и повышенную сосредоточенность. Мне предстояло сменить классовую принадлежность. Вместо неизменных джинсов и курток пришлось переходить на коверкотовые костюмы известных европейских марок, сшитые на заказ сорочки, замшевые туфли и итальянские галстуки с ручной росписью. Мой деревенский чилийский говор, быстрый и захлебывающийся, должна была сменить размеренная и плавная речь жажиточного уругвайца, поскольку именно эту национальность мы выбрали для прикрытия. Меня учили смеяться сдержаннее, ходить неспешно и помогать себе жестикуляцией в

беседе. В итоге я должен был из бедного кинорежиссера-нонконформиста превратиться в того, кем меньше всего на свете хотел бы стать, – холеного буржуа. Или, как говорят чилийцы, в толстосума.

Превращаясь в свою полную противоположность, я одновременно учился уживаться с Еленой в особняке Шестнадцатого округа Парижа, впервые усваивая порядки, установленные кем-то другим, до меня, и выдерживая скудную спартанскую диету, чтобы сбросить десять кило из своих тогдашних восьмидесяти семи. Я жил в чужом доме, ничуть не похожем на мой, запечатлевая его в своей памяти. Нужно было обрести псевдовоспоминаниями, чтобы избежать возможных нестыковок в разговорах. Опыт получился уникальным, однако довольно скоро я осознал: несмотря на внешнюю привлекательность Елены и ответственность как в делах, так и в быту, ужитья с ней я бы не смог никогда. Ее выбрали за политическую надежность и профессионализм, а мне оставалось лишь катить по узким рельсам, не оставлявшим простора для маневров. Моя творческая натура отчаянно сопротивлялась. Позже, когда все уже наладилось, я понял, что был несправедлив к Елене, – возможно, оттого что подсознательно ассоциировал ее с противным мне «альтер эго», в которого очень не хотел перевоплощаться, даже сознавая жизненную необходимость этого перевоплощения. Сегодня, вспоминая тот уникальный опыт, я думаю, что наш брак был бы идеальным – при условии, что мы смогли бы ужитья под одной крышей.

Елене менять личность и документы не требовалось. Она чилийка, но уже больше пятнадцати лет не жила в Чили постоянно, при этом ее никто не высылал и в розыске ни в одной стране мира она не числилась, так что прикрытие у нее было идеальное. Она неоднократно выполняла важные политические задания в других странах, и мысль поучаствовать в подпольных кино съемках на своей собственной родине показалась ей заманчивой. Зато у меня трудностей с самоидентификацией было хоть отбавляй, поскольку идеально подходящая по техническим соображениям национальность требовала сменить характер на прямо противоположный и обзавестись выдуманным прошлым в незнакомой стране. Тем не менее к назначенному сроку я научился откликаться на свое вымышленное имя и отвечать на самые заковыристые вопросы о Монтевидео – о том, какими автобусами добираться до моего дома, и даже о том, как проживают мои бывшие одноклассники, двадцать пять лет назад выпустившиеся из лицея номер одиннадцать на Итальянском проспекте в двух кварталах от аптеки и в одном квартале от нового супермаркета.

Чего мне не рекомендовалось делать категорически – это смеяться, поскольку мой выразительный смех мог свести на нет все усилия по маскировке. Настолько, что ответственный за перевоплощение заявил, придав голосу побольше драматизма: «Засмеешься – тебе конец». Впрочем, каменное не улыбочивое лицо у акулы мирового бизнеса скорее норма.

В самый разгар подготовки наш замысел оказался на грани срыва из-за того, что в Чили вновь объявили осадное положение. Военная хунта, пришибленная сокрушительным крахом экономической авантюры, в которую вовлекли страну «чикагские мальчики», отвечала таким образом на единодушный протест оппозиции, впервые выступившей общим фронтом. В мае 1983 года начались уличные демонстрации с активным участием молодежи, особенно женского пола. Демонстрации шли в течение всего года и жестоко подавлялись. Затем силами оппозиции, как легальной, так и подпольной, и впервые примкнувших к ним прогрессивных кругов буржуазии, удалось вывести народ на всеобщую забастовку длиной в день. Власти, уязвленные подобной сплоченностью и решительным настроем, ввели в качестве контрмеры осадное положение. Взбешенный Пиночет разразился воплем на весь мир: «Если это не прекратится, мы повторим одиннадцатое сентября!»

С одной стороны, для нашего фильма, предполагавшего открыть миру глаза на истинное положение дел в Чили, суровость ситуации оказывалась только на руку, однако, с другой стороны, ужесточившийся полицейский контроль, «завинчивание гаек» и комендантский час,

сокращающий полезное съемочное время, представляли нешуточную опасность. Тем не менее, тщательно все взвесив, подпольщики решили не отступать от изначального замысла. Поэтому мы развернули паруса и, поймав попутный ветер, в назначенный срок пошли на приступ.

Ослиный хвост для Пиночета

Первым серьезным испытанием оказались проводы в мадридском аэропорту. Я уже больше месяца не виделся с Эли и нашими детьми – Почи, Мигелито и Каталиной. Весточек от них я тоже не получал и по замыслу ответственных за мою безопасность должен был хранить в тайне дату отлета, чтобы избежать тягот прощания. Более того, в начале подготовки возникала идея ради всеобщего спокойствия оставить моих родных в полном неведении, но вскоре мы поняли, насколько это абсурдно. Напротив, кто мог обеспечить тыл надежнее Эли? Кому как не ей, свободно перемещавшейся между Парижем, Мадридом, Римом и даже Буэнос-Айресом, удобнее всего поручить переправку отснятого материала, который я буду передавать из Чили небольшими партиями? Изыскание дополнительных средств при необходимости тоже возлагалось на нее. На том и порешили.

Моя дочь Каталина еще на раннем этапе подготовки заметила, что у меня в спальне скапливается новая одежда, совершенно не подходящая ни к моему привычному стилю, ни к образу жизни, поэтому, чтобы развеять ее тревоги и удовлетворить любопытство, мне не оставалось ничего другого, как собрать всю семью и посвятить в свои планы. Родные откликнулись с готовностью и радостью, как будто попали вдруг в остросюжетный фильм, сочинением которых мы время от времени развлекались. Но когда я предстал перед ними в аэропорту степенным уругвайцем, мы все вдруг осознали, что это никакой не фильм, а драматическая реальность, серьезное и опасное дело, в котором мы участвуем сообща. Однако никто не спасовал.

– Главное, – напутствовали они, – приделай Пиночету ослиный хвост подлиннее.

Имелась в виду известная игра, где водящий с завязанными глазами припиливает хвост нарисованному ослу.

– Обещаю, – сказал я, прикидывая длину пленки, которую собирался отснять. Неплохой хвост – около семи тысяч метров.

Спустя неделю мы с Еленой приземлились в Сантьяго-де-Чили, проскакав хаотичным галопом через семь европейских городов – чтобы я успел постепенно привыкнуть к своей новой личности, удостоверенной не вызывающим подозрений паспортом. Паспорт был подлинный, уругвайский, отданный нам политически сознательным добровольцем, узнавшим, что нужны документы для въезда в Чили. Мы заменили в нем только фотографию, вклеив мой снимок, уже в перевоплощенном виде. На вещах появились соответствующие фальшивые инициалы – монограммы на сорочках, вензель на кожаном портфеле, на визитках и бумаге для писем. Поддельную подпись я научился, после многочасовых упражнений, выводить довольно лихо. Только одно мы не успели сделать – оформить кредитные карточки, что грозило осложнениями, поскольку для такого серьезного бизнесмена, которого я изображал, расплачиваться за авиабилеты долларами в наличных выглядело странно.

Несмотря на несовместимость, которая в настоящей жизни через два дня привела бы нас к разводу, мы с Еленой успешно изображали супругов, которым не страшны никакие семейные бури. Мы вызубрили вымышленные биографии друг друга от и до, включая вымышленное прошлое, вымышленные буржуазные вкусы и предпочтения и, думаю, выдержали бы любой допрос с пристрастием. Легенду мы тоже состряпали на славу, прикинувшись владельцами парижского рекламного агентства, снимающими ролик для новых духов, которые должны появиться на европейском рынке будущей осенью. А где еще снимать ролик, как не в Чили – одной из немногих стран, где в любое время года можно отыскать все четыре сезона, от знойных пляжей до вечных снегов? Елена с завидной непринужденностью облачилась в дорогие европейские наряды, будто не она предстала передо мной в Париже с распущенными волосами, в клетчатой юбке и школьных мокасинах. Я тоже чувствовал себя в начальственной шкуре вполне комфортно – пока не увидел свое отражение в витрине мадридского аэропорта. Темный костюм-

двойка, жесткий воротничок, галстук – настоящая акула бизнеса, с души воротит. «Какой ужас! – подумал я. – Будь я не я, я был бы вот таким...» От меня прежнего остался лишь потрепанный томик «Потерянных следов» – великого романа Алехо Карпентьера, который я, не изменяя пятнадцатилетней привычке, положил в чемодан как лекарство от неизбежного страха перед полетами. Кроме того, мне предстояло не один раз пройти таможенный контроль в разных аэропортах мира, учась без опаски предъявлять чужой паспорт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.